

КАЛЕНДАРЬ „ЛГ“

Михаил ДУДИН

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛНЦЕ, ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!»

ТАКИМ восклицанием кончается «Вакхическая песня» Александра Сергеевича Пушкина, этот всегда поднимавший наш дух гимн жизни. Мы вспоминаем пушкинские слова в часы дружеских застолий, потому что эти слова венчают великим смыслом наше веселье. Мы повторяли их как заклинание, идя на подвиг самопожертвования, потому что эти всеобъемлющие слова вселяют в наши души мужество и бесстрашие.

Эти слова, просветляя наш разум и наши чувства, делают нас благороднее и возвышеннее. Эти слова укрепляют торжество и веру.

Произнося их, мы чувствуем присутствие Пушкина в нашей судьбе. Такова сила гения, простирающего свой свет в грядущее.

Такова сила истинной поэзии. Вслушавшись в голос Пушкина, мы открываемся на волну ответственности перед прошлым. И оцениваем дела наших жизней с точки зрения великой связи времен и поколений.

Поток поэзии непрерывен. Он един в своем нравственном начале, в своей причастности к совершенствованию человеческого духа на трудных путях к тем заветным дням, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Поток поэзии непрерывен, и движение его необоримо. По руслу верности через все ущелья и поверх всех барьеров. И мне вспоминаются стихи К. Случевского: «Смерть песне, смерть!»

Пускай не существует. Взор ритмы, вздор стихи. Неполности оней. В урочный час на каменной стене. Ни время, ни само забвение не властны над тоскующей Ярославой, и печаль минувших дней в моей душе чем старе, тем сильнее. И все неотступно «грядущего волнующее море». И все очевидней его зависимость от вечной эстафеты поэзии, которая в своем сионопическом движении держит ускользающий конец прошлого и ловит угадываемое ею начало завтрашнего дня.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире твоя живет вечно. И тылень убенит — И славы буду я.

Жив будет хоть один пинт. Хотя Александр Сергеевич в его неодолимой, оборванной пугливости пришлось не так уж много путешествовать, он по наклонности своего беспокойного характера был прирожденным путешественником. И те места, где ему удалось побывать, он обессмертил в слове, волнующем и возвышающем человеческие чувства и характеры. И «Кавказский пленник», и «Бахчисарайский фонтан», и «Цыганы», и стихи, обращенные к «любезной калмычке», будут своими трагедиями и страстями томить души, склонные к поэзии, и сопоставлять эти души в поисках радости, любви и удивления. И как прекрасно, что все эти места вместе с Михайловским и Болдино, вместе с Царскосельским лицеем и домом на Мойке стали доступны всем, чтая и берегутся.

Здесь, как о будущем рассказ, живет поэзия повсюду. И Пушкин с нами. Пушкин — в нас.

И мы уже причастны чуду
Его судьбы и языка.
Его души, по воле рока
Зарошенной издалека
И возмеченной жестоко.

Удивительно, как все творчество А. С. Пушкина, оставаясь там, в своем веке, одновременно устремлено в наши и завтрашние дни. Как надежно умеет поэт соединять времена — прошлое с грядущим! Как прочно он навсегда утвердился на вершине отечественной культуры! И это отчетливо понимали уже его современники, вспоминая хотя бы два свидетельства — в начале и в конце творческого пути: надписи Василия Андреевича Жуковского на портрете, подаренном Пушкину: «Победителю-ученику от побжденного учителя...» — и плач гнева совсем еще юного М. Державина, заключенный в железных строках «Смерти Поэта».

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Эти слова сияют на подлинно народных праздниках поэзии, прозвучавших ежегодно в день рождения А. С. Пушкина.

Портрет А. С. ПУШКИНА работы Б. А. Тальберга (картон, масло, 1980 г.). Новое поступление в Государственный музей А. С. Пушкина.

Микола НАГНИБЕДА

ЛЮБОВЬЮ ИСКРЕННЕЙ И ВЕЧНОЙ

«О РГАН земли могучий...» — сказал об Александре Пушкине Павел Тычина. Воистину могучим органом звучит в сердце каждого народа поэзия великого сына России. «Наш Пушкин», — произносит теперь с гордостью не только россиянин. Пушкина по праву называют своим на всех языках нашей Родины, и это право дал нам сам Александр Сергеевич — вдохновенный певец чести и свободы, дружбы и любви.

Гений Пушкина был обращен ко всем нашим народам. Он стал фактом их жизни, истории, литературы, культуры.

Многие документы и сами произведения Пушкина свидетельствуют о том, что поэт с юных лет интересовался глубокой стариной Украины, ее легендами, народными думами, историческими песнями. Вспомните «Руслана и Людмилу»... Воображение поэта витало в сказочном Киеве — именно здесь начинается и заканчивается эта поэма.

В 1821 году Александр Сергеевич впервые побывал в Киеве. Посетил Софийский собор, Аскольдову могилу, в Печерской лавре стоял у надгробной плиты Искры и Кочубя, поднимался на древнюю гору Щекавицу, где, по преданию, похоронен киевский Олег... Может быть, именно в эти киевские дни родилась у поэта мысль написать «Полтаву», «Песнь о воеводе Олеге».

Южная ссылка оставила глубокий след в жизни и поэзии Пушкина. Царский изгнание не только не отрезало от своих убеждений, но еще более укрепило в них. Его талант мужал в любви к народу, к свободе, мучал в гнев против рабства и угнетения. Несмотря на удары судьбы, вдохновение не покидало поэта. В Одессе, где Пушкин прожил немногим более года, он работает над «Евгением Онегиным», заканчивает поэму «Бахчисарайский фонтан», начинает «Цыган», пишет около тридцати стихотворений, продиктованных молодой любовью и проникнутых страстным гражданским пафосом. По-прежнему Пушкина глубоко занимает общественная жизнь России и Запада.

Из Одессы Пушкин был выслан в Михайловское. Расставание с Украиной запечатлелось в знаменитых пушкинских стихах:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

На всю жизнь остались у поэта воспоминания о море, об Украине, о встречах с декабристами в Киеве, Тульчине, Каменке. И потом он не раз обращал свой взор сюда, где прошли незабываемые дни его молодости.

Пушкин и Украина... Эта неисчерпаемая тема разрабатывается и будет разрабатываться не одним поколением писателей и литературоведов. Я хочу лишь напомнить, что многие мои земляки достойно оценили влияние Пушкина на развитие культуры и художественного слова Украины. Еще при жизни Пушкина Евгений Гребинка перевел «Полтаву». Глубоко знал и любил творчество Пушкина Тарас Шевченко, неоднократно возвращавшийся мысленно к нему в своем «Дневнике». Над переводом «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий» работал, преодолевая болезнь, Иван Франко.

И сейчас вряд ли можно найти украинского поэта, который не сделал бы попытки перевести пушкинские строки на родной язык. Первенство в этом благородном деле, безусловно, принадлежит Максиму Рыльскому — замечательному поэту, признанному знатоку творчества Пушкина, редактору многих его украинских изданий. Рыльский воспитал целую поэтическую школу переводчиков-пушкинистов. А сколько вдохновенных строк посвящено гению русской литературы! Не могу не назвать здесь проникновенные строки «Над страницами альбома» из книги Микола Бахана «Раздумья и воспоминания»...

Мы никогда не забудем любви Пушкина к Украине, ее природе, ее народу. Благодарная Украина отвечает поэту любовью искренней и вечной. Не умолкая, звучит в ее сердце «орган земли могучий».

КИЕВ

6 июня — день рождения А. С. ПУШКИНА

«...О НЕП, НЕДАРОМ ЖИЗНЬ И МИРА МНЕ БЫЛИ ВВЕРЕНЫ СУДЬБОЙ!»

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Олег КОМОВ:

МИР НАРОДНОЙ ДУШИ

В дни Пушкинского праздника в Пскове будет открыт памятник поэту. Это новая работа народного художника РСФСР Олега Комова, автора установленных ранее памятников Пушкину в молдавском селе Долна (ныне Пушкино), на набережной Волги в Калининске, возле дома поэта в Болдино...

Каждый пушкинский памятник для меня, — говорит скульптор, — это возвращение поэта в родные ему места. Так, мне хотелось, чтобы все наши пушкинские памятники, и болдинский, и калининский, и долнинский, вписывались не только в деревенский пейзаж или городскую среду, но и в нашу память о тех людях, землях, где жил, оставался, бывал Пушкин, и в наше представление о том, что они для Пушкина значили.

«Художник и народ» — так определил бы я основную мысль этой композиции, над которой работал около десяти лет, ощущая единение, поддержку и помощь многих пушкинистов и почитателей поэта. С благодарностью называю прежде всего Н. Ананьича и директора пушкинского музея в Москве А. Крейца.

Время не отодвигает от нас Пушкина. Напротив, каждое новое поколение и каждый из нас с годами все ближе подходит к нему. Конечно, это дается непросто. Пушкин требует большой душевной работы. И своего Пушкина я старался показать не оторванным от мира, не запертым в отрешенном величии, а как бы приоткрывающим к размышлению о внутренней сосредоточенности.

Это великое счастье — общаться с Пушкиным.

Этим вызвано послание Пушкина «Мордвинову»:

Сияя доблестно,
и славою,
и наукой,
В советах нелишним
Стоишь ты,
новый Долгорукий...

Известны три изображения Н. С. Мордвинова: рисунок Рейхеля 1817 г., гравюра Т. Райта с портрета Д. Доу

Рылеев. Но кто второй человек? Очень похожая на Рылеева фигура, тот же горбоносый профиль, вьющиеся волосы — встречается в черновиках четвертой песни «Руслана и Людмилы». Рисунок был определен Т. Г. Цыгановской и М. Д. Белоглавым как портрет декабриста Петра Григорьевича Ка-

минных заговорщиков асыма — определен как «Пётр Григорьевич Каховский». Мысль о пареубийстве странном образом связывала Рылеева и Каховского. Оба они были нужны друг другу. Каховскому, для

ДЕНЬ 14 декабря 1825 года был одним из самых важных в жизни Пушкина. После возвращения из михайловской ссылки поэт жадно слушает рассказы о декабристских событиях, ищет знакомство со знающими людьми. Позднее Пушкин писал, что он сжег свои записки, потому что они могли «замешать многих и, может быть, умножить число жертв». Но, уничтожив записки, поэт оставил их следы в своих рисунках.

ПЕРЕД нами лист знаменитого ушаковского альбома (ПД № 1723, л. 96) — интересное дополнение к уже известным «декабристским» листам пушкинской графики. На нем — целая портретная галерея видных деятелей дворянского освободительного движения. Рисунки исполнены тщательно, полностью закончены и проработаны. Видно, их можно рассматривать как своего рода иллюстрацию к какой-то долгой и интересной беседе, из числа тех, что не раз вел Пушкин в гостеприимном московском семействе Ушаковых.

Вглядываясь внимательно в изображения на листе, мы видим, что первый портрет — это, конечно, Рылеев. Трагическая черта его лица несколько своеобразна, но все же портрет очень похож на все изображения Рылеева в рисунках Пушкина. Т. Г. Цыгановская по этому поводу писала: «Когда мы видим не задумчиво красивую фигуру Пушкина, или озабоченного человека с неясными минимумами, а неясно-человеческое с неясным взглядом — таким складом — как рисунков Пушкина. Портреты Рылеева в набросках Пушкина характерны, разнообразны, интимны. Как близко должен был знать Пушкин этого молодого литератора до своей ссылки!» В описываемом нами портрете

Рылеева сохранены все характерные черты его лица: высокий лоб, нос «сучкой», слегка выдвинутая вперед нижняя челюсть. Но в то же время портрет этот отличается от уже известных своей законченностью, какой-то особой серьезностью изображения. Черный шелковый платок, в котором утопает подбородок, зачесанные наверх спутанные волосы придают лицу значительность, выделяющую среди других многочисленных пушкинских изображений знаменитого декабриста.

Рядом с Рылеевым — неизвестный в полковничьем мундире. Слегка выпирающие челюсти, тонкие губы, прямые волосы, начесанные на лоб... Кто это? Сохранился очень похожий на наш пушкинский рисунок, сделанный поэтом для декабриста В. И. Зубкова. Под ним рукой современника написано: «Пестель». Однако у Пушкина существует и другая версия черт лица Павла Ивановича Пестеля: рельефная линия губ и подбородка, глубокие залысины. Ничего не проясняет и крайняя иконография П. И. Пестеля. Наш портрет особенно схож с зарисовкой А. А. Иванова-Васильева 1825 г. (то же имя, тот же высокий лоб, маленькое, аккуратное ухо, тонкие губы, острый подбородок). Подобного типа лица изображения встречаются в черновиках «Евгения Онегина». Помогают атрибуции и сходство пушкинского рисунка с портретами Наполеона. Декабрист Н. И. Лорер так описывал Пестеля: «Небольшой роста, брыжест, с черными, белыми, но приятными глазами. Он и тогда и теперь, при вспоминании о нем, очень много напоминает мне Наполеона I». Ничего Пушкин, иная эти черты символически и романтично складывают, по-видимому, голову Наполеона. Изображение явно сделано по мотивам «нашего» Пестеля. Крупные,

«ЭСКИЗЫ РАЗНЫХ ЛИЦ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ по 14 Декб. 825 года...»

волновые черты лица приобрели классическую, почти медальную, правильность, это некий собирательный образ «Пестеля» — Наполеона. Рядом с портретом Пестеля — изображение лица цесаревича Александра Пушкина. Шлемовидная голова, высокий лоб, благородная посадка головы, крупный римский нос, глубокие залысины. Сочетание этих черт лица наиболее близко к гравюре Т. Райта.

Как видим, рассматривая наш лист альбома, под которым вполне заслуженно можно повторить известную поговорку: «Эскизы разных лиц замечательных по 14 Декб. 825 года...», представляется собой единое целое и, конечно же, заключает в себе какой-то внутренний смысл и предположение. Можно с уверенностью утверждать, что перед нами исторический документ, имеющий ценность мемориального свидетельства.

НЕ МЕНЬШИЙ интерес представляет и оборот нашего листа — 97-й лист ушаковского альбома. На нем — две фигуры. Одна из изображенных — это, конечно же, Александр Пушкин. Но кто второй человек? Очень похожая на Рылеева фигура, тот же горбоносый профиль, вьющиеся волосы — встречается в черновиках четвертой песни «Руслана и Людмилы». Рисунок был определен Т. Г. Цыгановской и М. Д. Белоглавым как портрет декабриста Петра Григорьевича Ка-

ховского. Так, значит, Каховский? Сравнение нашего портрета с известными прижизненными изображениями декабриста — миниатюра 1820-х гг. и рисунком Яковлева в альбоме С. Д. Пономаревой — не противоречит такому предположению. Так что же значит этот пушкинский рисунок? Рылеев и Каховский, противостоявшие друг другу в дуэли. Вспомним характер взаимоотношений этих двух замечательных людей. Декабрист Е. П. Оболенский в своих воспоминаниях так описывает приход Каховского в Петербург: «Помню из того времени явление Каховского, бывшего офицера лейб-гвардейского полка и приехавшего в Петербург по какому-то семейному делу. Рылеев был с ним знаком, узнал его, короче и, находя в нем душу пылкую, принял его в члены общества. Лишь я его мало знал, но, по отзыву Рылеева, мне известно, что он был человеком, к которому можно было занять Сенат, крепость, но кому именно, не было назначено. Мне же сказал он, обнимая меня: — Я знаю твою самоотверженность, ты можешь

быть полезнее, чем на площади: истреби императора». Об этой сцене несколько иначе рассказывает Е. П. Оболенский в своих воспоминаниях: «При приезде моем я застал Пушкина, Каховского и, кажется, Александра Бестужева. Я спросил у Рылеева, какой же план действий? Он объяснил мне, что Трубецкой нам сообщил, но что собирать его должно на площади всем с той речью, которая вылетит первая. После нескольких минут разговора он и Пушкин надели шинели, чтобы ехать. Я сам уже прощался с ними, когда Рылеев при самом расставании вышел к Каховскому и, обняв его, сказал: — Любезный друг, ты сир на сей земле; ты должен собою жертвовать для общества; убей императора. После сего обняв Каховского Бестужева, Пушкин и я». Итак, заговорщики разошлись в полной уверенности, что судьба пары теперь в руках Каховского. Как известно, в самый момент восстания Каховский отказался от возложенного поручения, чем внес смутнение в ряды восставших.

Лист 96-А

Лист 97-А

Рисунки А. С. ПУШКИНА из ушаковского альбома

последним днем перед выступлением. Рисунок ушаковского альбома — своего рода графическая помета о важном событии.

ИТАК, только один лист... Но как много заключает он в себе! Безусловно, эти пушкинские рисунки заслуживают дальнейшего подробного и внимательного изучения. Но уже и сейчас, если принять наши определения, можно с достаточной степенью вероятности предположить, что вызвало их к жизни. В 1829 году Пушкин возвращается из арзамурского путешествия, где он не раз встречался со ссыльными декабристами. И с новой силой всплывают в нем мысли о трагическом конце главных деятелей движения, о судьбе «друзей, товарищей, братьев...» В произведениях той поры, в письмах настойчиво звучит тревожащий, не дающий покоя страшный мотив. В послании к Дельвигу поэт полнотой, повсюду вопрошает: «...вернее, ведь какаждый из нас...» «Евгений Онегин» мог быть «повешен, как Рылеев», и даже всеобщий мадригал, адресованный молодой девушке, поэт начинает беззастенчиво, трагическими словами:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен...

«Все-таки я от жандарма еще не ушел, — замечает Пушкин в одном из своих писем, — легко, может, уличат меня в политическом разговоре с каким-нибудь из обывателей. А между тем друзей моих довольно».

И вот еще одно, как это часто бывало у Пушкина, теперь уже графическое свидетельство не оставляющей его мысли. Оно так же волнующее, как и исполненные внутреннего страдания изображения казни декабристов на полях черновиков «Евгения Онегина», в рукописях «Полтавы».

С. ПУШКИН